

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
С71

Художественное оформление  
*Марины Козинаки и Веры Голосовой*

**С71** **Спащенко, Евгения.** Терновая ведьма. Исгерд : роман / Евгения Спащенко. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 672 с. — (Ведьмин сад).

ISBN 978-5-17-111082-6

Какой бы желанной ни казалась Изольде Мак Тир мирная жизнь, когда Северный ветер приносит на ледяных крыльях отголоски древней сказки, она отправляется вместе с ним на поиски легендарной Розы Ветров. Чтобы найти наконец королевство Тьер-на-Вьёр — загадочную родину терновой колдуньи — и расплести тугой узел колючих чар. Да только принцесса не ведаёт, что, пускаясь в дорогу, следует воле неумолимой судьбы. И ни она, ни верный Таальвен Валишер, ни гордый Хельмвинд, шагнув сквозь колдовские зеркала, — в мир терновой ведьмы, — уже не будут прежними.

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111082-6

© Евгения Спащенко, 2019  
© Марина Козинаки, дизайн обложки, 2019  
© Владимир Спащенко, иллюстрации, 2019  
© ООО «Издательство АСТ», 2019

## ОТ АВТОРА

Когда я была маленькой, то, едва дочитав очередную волшебную историю, возвращалась к первой странице и начинала ее заново. Мысль о том, чтобы утратить чувство чудесного, вернуться из сказочного похода, а пуще всего — вырасти, бесконечно меня расстраивала.

Но минули годы, и я осознала истину — дети, хоть и становятся взрослыми, не теряют способность верить — в торжество судьбы, первозданное колдовство, великую любовь. Век за веком плетутся узоры сказок сквозь наши мечты, соединяя их в единое неразрывное полотно. И покуда хотя бы один Мечтатель бережет в сердце героев этой книги, она не закончится.

Евгения Спащенко



*По твоим чудесам лишь вздыхать да сохнуть, колдунья,  
Утопая в морях асфальта и проводов.  
Вот поспеют клевер да лен на полях, пойду я  
Ночью летней прочь от изломанных городов.*

*Ничего не возьму, кроме косточек абрикосовых,  
Чтобы рос среди небьели мой одичавший сад.  
Видят боги, таким, как я, за мечтою сосланным,  
Зачарованным бездорожьем, нельзя назад.*

*Вместо крови у нас ручки да вода болотная,  
Оттого кличет тина, скребет на душе камыш,  
А она, как туман, пугливая и бесплотная,  
Рвет оплетку из вен — под кожей не утаишь.*

*Ей ищи не ищи терема-палаты гранитные —  
Сманит трелью рассветной, ягодным соком лес.  
Звездопадом течет с небес молоко пролитое,  
Млеет дымкой по телу лунных шелков отрез.*

*И стирают ветра сердцевины до основания,  
Обнажая себе на радость резную суть.  
Истонченный до звона, поисками израненный,  
Я приду на их зов волшебный когда-нибудь...*





**ГЛАВА 1**  
**ПРИНЦЕССА**  
**ИСТЕРД**



Волосы ее были белы. Но не той ослепительной белизной, что вросла в вершины скалистых, покрытых снегами гор на границах Тьер-на-Вьёр, скорее их цвет напоминал сероватое шерстяное сукно, жемчужную мягкость паутины, благородную седину на висках почтенных храмовых старцев. Только до старости Исгерд было так далеко, что она казалась выдумкой, страшной сказкой.

Сила, черной кровью бегущая по жилам девушки, обеспечивала ей долгие века жизни и вечную любовь подданных, ибо кто в Тьер-на-Вьёр не любил терновую принцессу — божество во плоти, по милости которого царят мир и процветание.

А вот ее брату не так повезло: Этельстан родился обыкновенным человеком, не унаследовав и капли терновой силы. А значит, судьба его подчинялась незыблемым законам времени, которое уже через пару десятков лет сотрет с лица принца свежесть юности, расчертит гладкий лоб морщинами.

Это случалось прежде: если в королевской семье на свет появлялось несколько детей, терновник неизменно благословлял только одного — девочку. И ноша ее была тяжела: долгими столетиями править страной в одиночестве, хоронить друзей и родных, век которых отчаянно краток, пока не родится новая жрица.

Но Исгерд старалась не думать о грядущем, заглушая страхи бесконечными делами. Она любила брата, наверное, с того самого дня, как они вдвоем появились на свет, — непохожие, словно луна и солнце. И представить себе мир без Этельстана принцесса не могла.



— Ах! — Девушка неосторожно щелкнула садовыми ножницами, и острый шип терновой розы впился ей в палец.

Она слизнула языком чернильную капельку, выступившую на коже, и осторожно положила срезанный цветок в корзину к остальным.

— Пожалуй, хватит для букета.

Дворцовый цветник был гордостью принцессы, хотя советники то и дело ворчали, что будущей королеве не пристало заниматься подобными глупостями. Но под ее властной рукой растения росли, как зачарованные. И ради созерцания бархатной красоты черных лепестков Исгерд готова была часами копаться в земле.

К счастью, сегодня никто не посмел указывать на расписание. В двадцатый день рождения терновой принцессе позволялось многое, если не все.

Слегка приподняв длинный подол, — ровно настолько, насколько позволял этикет, — она направилась в глубь сада, ища среди зарослей барбариса и лазурной гортензии крошечную беседку. Наверняка Этельстан там — читает, как обычно, улизнув от утомительных занятий, положенных ему по титулу.

Когда цветущий кустарник сомкнулся за ее спиной, Исгерд наконец разглядела облупленные деревянные колонны... Следует сегодня же повелеть привести их в порядок... Принц Тьер-на-Вьёр достоин мрамора и золота, а не ссохшегося сарая!

В детстве крошечная, укрытая от посторонних глаз беседка на склоне холма была и ее любимым местом, но с течением времени забот у принцессы прибавилось. Теперь она не позволяла себе тратить минуты в уютной тени, листая очередную книжку брата.

— Этельстан! — радостно воскликнула девушка, поднимаясь по скрипучим ступеням. — Все утро тебя не видно.

Запальчивый ореховый взгляд взметнулся на мгновение к ее лицу, но досада в нем быстро угасла, уступая место напускной покорности.

— Куда еще мне деваться, Герда?



Принц отложил потрепанный томик стихов и медленно встал. Казалось, поэзия ничуть не интересовала его сегодня. По темным кругам под глазами, по измятой рубашке Исгерд поняла: Этельстан прячется здесь с самого рассвета.

Что за мрачные мысли терзают его сердце? Ах, почему брат неизменно становится жертвой меланхолии? А ведь ровесники его, наделенные властью и знатным положением, веселятся вовсю, устраивая походы и состязания, играючи завоевывая придворных дам. Но едва ли дворцовые забавы заботят принца.

— Я собрала для тебя букет. — Она с улыбкой вручила брату корзину и мягко обняла его за плечи. — С днем рождения!

— С днем рождения, ваше высочество, — отстраненно хлопал ее по спине Этельстан.

— Да что с тобой? — Исгерд озабоченно взгляделась в знакомые черты.

Пожалуй, он выглядел чуть бледнее обычного. Вместо привычного хвоста гладкие темные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Но разве это причина для тревоги?

— Ничего. — Принц виновато потупился. — Просто, как по мне, день выдался невеселый.

Девушка насупила седые брови.

— Завтра тебя коронуют, — кисло продолжил он, — и пути наши окончательно разойдутся. Отныне всякий твой вздох, биение сердца будут принадлежать Тьер-на-Вьёр... А для меня станет преступлением красть драгоценное королевское внимание...

— Ох, Этельстан. — Принцесса негодуяще поджала губы. — Что за нелепые выдумки? Пусть меня и нарекут королевой, я не перестану быть твоей сестрой! Разве в прошлом я хоть раз пренебрегала тобой?

Он рассеянно отошел к деревянному парапету, опустил розы на скамью.

— Нет, но времени на друзей и родных у тебя все меньше. Скоро оно встанет между нами непреодолимой стеной. И если для терновой принцессы двадцать первый год



ознаменует триумфальное восхождение на престол, меня он лишь приблизит к неизбежной старости, смерти, забвению...

— Ну хватит! — прервала его девушка. — Не желаю портить торжество подобной чепухой. Ты все еще юн, брат. Впереди тебя ждет долгая и счастливая жизнь. К чему маяться от тоски, проклинать будущее, которое пока даже не определено?

Принц вздрогнул, как от удара, и резко обернулся. Горечь придала черноты его карим глазам. Но терновая принцесса расценила это по-своему.

«Он боится, — решила она, — расставания, одиночества... Беззащитный перед хаосом грядущего».

И, сменив гнев на милость, потянула брата за руку.

— Обещаю, с тобой не произойдет ничего дурного. Я буду хранить тебя, укрывать от невзгод... в конце концов, ты — мое отражение, как душа твоя — продолжение моей...

Этельстан шумно вдохнул, словно собирался возразить, но слова утонули в звонком щелбете птиц.

— Верь мне, — прошептала сестра, крепче сжимая его дрожащие пальцы.

И пускай пламенный взгляд принца ничуть не походил на выражение ее собственных бесцветных глаз, Искерд всматривалась в него, будто в зеркало.

— Ты, как всегда, права, Герда, — промолвил после паузы Этельстан. Голос звучал на удивление беззаботно. — Не стоит хандрить, когда у терновой принцессы праздник.

— Сегодня и твой день рождения, помнишь?

Его тонкий рот скривился в улыбке.

— Разумеется... Ты, главное, не сердись. Сама знаешь, мне свойственно впадать в уныние.

Искерд покачала головой и расправила складки алого, как военный стяг, наряда. Кажется, тучи в душе ее беспокойного брата рассеялись, по крайней мере, на какое-то время.

— Пойдем, — повелела она, чинно беря Этельстана под локоть. — Хочешь узнать, как пройдет вечерний бал?

— Конечно, — пробормотал он, привычно подстраиваясь под шаг сестры.

— Я приготовила для тебя несколько сюрпризов. Один из них — присутствие милой баронессы, с которой мы так славно поохотились прошлым летом. А еще будут состязания в стрельбе из лука и стихосложении, чтобы ты мог показать себя с лучшей стороны...

Девушка все болтала, изящно прикрывая синеватые губы ладонью, чтобы не хихикать во весь рот. Но Этельстан не слушал. Глаза его остекленели, душа давно покинула залитые солнцем лужайки — словно бы не являлась продолжением души Исгерд...

Внезапно голубое небо над шпилями Тернового дворца покачнулось, принялось стремительно таять, будто кусок масла на раскаленной жаровне. Изольда почувствовала, как ее буквально вырывает из пестрого сна. Исчезли ароматные гортензии — вместо них по обе стороны от принцессы выросли столбики широкой кровати. Облака превратились в пыльные складки полога, свет померк.

«Где я?» — хотелось спросить девушке, но страх заговорить до сих пор преследовал ее в тревожных зыбких видениях. Правда, теперь ей не приходилось бродить нагишом по лесам.

Изольда поморгала, силясь разглядеть хоть что-нибудь в густом предрассветном мраке. Пламя в очаге дотлеvalo — полагаться на его умирающий свет было глупо. Потому она приподнялась на подушках в поисках свечи. Той не оказалось, зато потрясенная девушка обнаружила нечто другое — рядом с ней, занимая половину постели, спал Лютинг. Одеяло сползло, обнажая его широкую грудь, человеческая рука покоилась всего в паре вершков от ее ладони.

Осторожно, чтобы древесина не скрипнула, принцесса попыталась отползти от Мак Тира. Но при первом же движении его густые брови нахмурились. Таальвен будто дразнил ее, притворяясь спящим.

Затаив дыхание, Изольда переждала несколько мгновений, а затем медленно свесила ногу с кровати. Как только

она собралась опустить на пол вторую, муж ее открыл глаза и вцепился в тонкое девичье запястье мертвой хваткой.

— ...Владыка души и тела! — отчеканил он жестко, с силой потянув девушку на себя.

— Нет! — взбрыкнула она. — Пожалуйста!

Но пальцы Лютинга держали крепче тисков болотного короля.

— Ты поклялась! — прорычал он, подминая под себя дрожущую пленницу. — Забыла?

— Отпусти!

Она задыхалась. А вокруг смыкалась липкая темнота. И не было в ее клубах ни верха, ни низа, ни крепких объятий принца Мак Тира. Но принцесса уже не могла соображать трезво, лишь билась в истерике, захлестываемая ужасом. В ушах раздавался зловещий смех тьер-на-вьёр.

— Изольда, проснись!

Кто-то встряхнул ее, заставляя остатки душающего сна схлынуть. И, распахнув заплаканные глаза, девушка увидела Таальвена Валишера. Он обеспокоенно замер над ее постелью, встав на задние лапы, оперев передние в матрас, ничем не походивший на перину из сна.

— Очнулась?

— Да, — простонала принцесса, натягивая одеяло.

Волк тут же спрыгнул на пол.

— Ты так кричала, что, должно быть, весь лес подняла на уши. Не удивлюсь, если Лива с Зефиром слышали тебя в долине.

— Прости... — Изольда обессиленно откинулась на резное изголовье.

Мир медленно обретал знакомые очертания: занавески на окнах тихонько покачивались, настольное зеркальце, подаренное кудесницей, пускало по стенам огненные отсветы.

— Снова терновая ведьма? — сдержанно спросил Таальвен, усаживаясь рядом с камином.

Изольда нехотя кивнула. Плечи ее все еще тряслись.

— Расскажешь, что тебе снилось?

Несколько месяцев она с трепетом ждала этого вопроса, догадываясь, что не сумеет соврать. Правда, волк был терпелив — будил ее по ночам, успокаивал, стерег тревожный сон до рассвета... Казалось, он и сам догадывается о причине кошмаров, потому молчит. Но игнорировать ночные истерики бесконечно Лютинг не мог.

— Лучше выбросить все из головы... — Надеясь спрятаться от пытливого зеленого взгляда, принцесса укуталась в шерстяное покрывало.

Волк продолжал смотреть, без слов требуя ответа. Пришлось говорить.

— Сегодня, как обычно, я видела беловолосую девушку, слышала ее мысли. Когда-то она жила в Терновом дворце и нарекалась Истерд, теперь мы зовем ее тьер-на-вьёр.

Острые уши Таальвена с любопытством приподнялись.

— Ее давние воспоминания овладевают мной по ночам. Всякий раз я вижу нечто иное, становлюсь свидетелем утерянного осколка прошлого...

— Оно пугает тебя?

— Нет. — Изольда мотнула головой. — Терновая ведьма не хочет, чтобы я знала о ее жизни. Но прервать сновидение не в ее силах. Зато она может изменить его. И чтобы вытолкнуть меня из собственных воспоминаний, насылает кошмары...

— Тебе нечего страшиться, — ощерившись в сторону темных углов, заверил Таальвен. — Нет такой опасности, с которой я не смог бы совладать. Только скажи, что за чудовища преследует тебя в забытьи?

Но нападать было не на кого. Комната дремала в уютных отблесках пламени, в закутках скрывался лишь сонный полумрак. И, холодея от звука собственного голоса, принцесса выдохнула сдавленно:

— Мне снишься ты, Лютинг Мак Тир...

Поначалу он не сумел растолковать смысла этих слов, а когда понял, что продолжения истории не последует, произнес сипло:

— Я причиняю тебе вред?